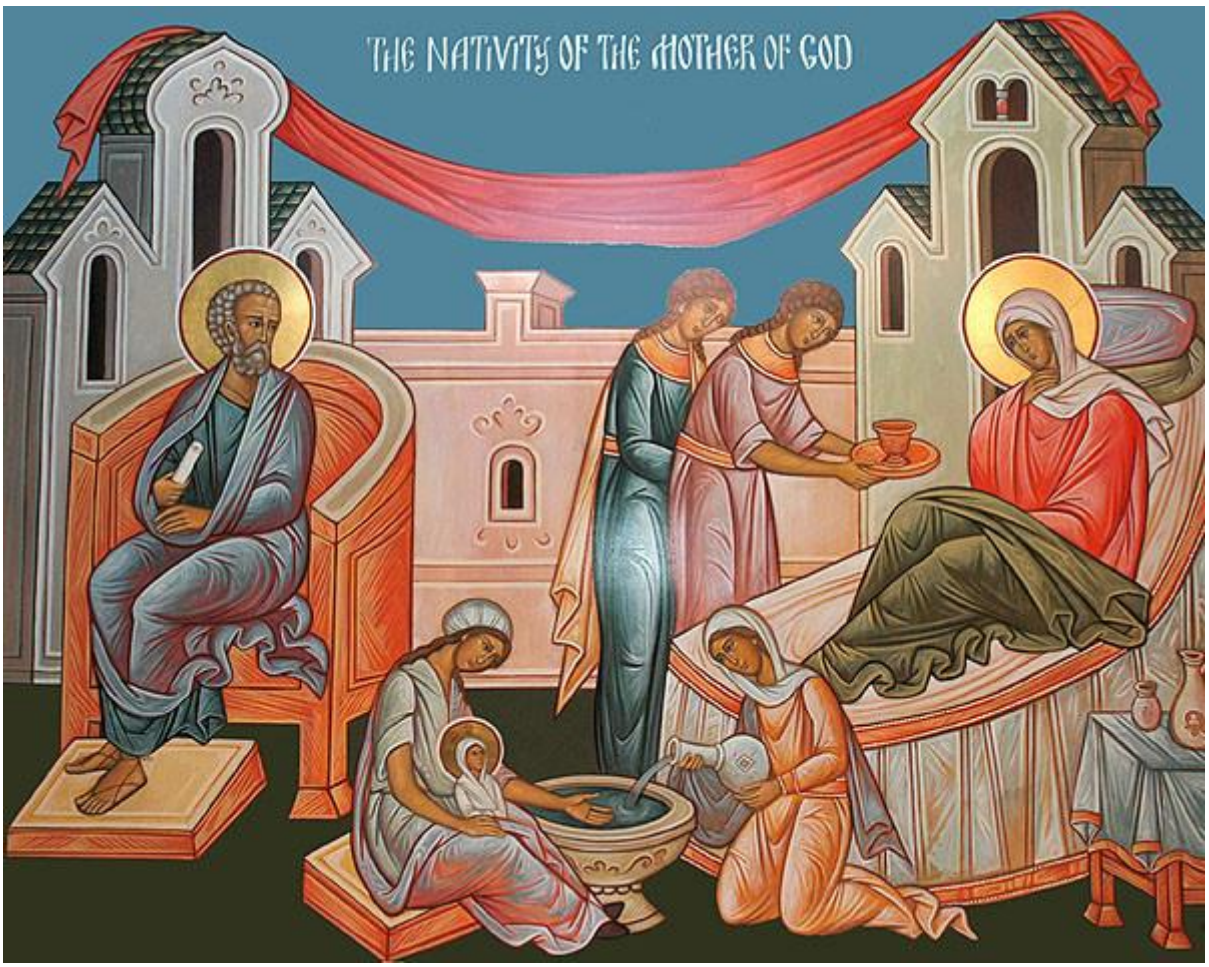
Почему мы празднуем Рождество Богородицы?

Протопресвитер Александр Шмеман

Основой почитания Марии в Церкви всегда было послушание Ее Богу, свободное доверие, оказанное Ею по-человечески неслыханному призыву. Православная Церковь вообще всегда подчеркивала эту связь Марии с человечеством, и, если так можно выразиться, любовалась Ею как лучшим, чистейшим, возвышеннейшим плодом человеческой истории, человеческого искания Бога, и в Нем — последнего смысла, последнего содержания самого человечества.



Если на Западе, в западном христианстве, в центре почитания Марии всегда стоял образ Ее как Девы, девство которой не нарушено было материнством, то для православного Востока такой сердцевиной любви его к Марии, созерцания Ее и — повторяю еще раз — радостного любования Ею с самого начала было и остается ее Материнство, Ее кровная связь с Иисусом Христом.

Православный Восток прежде всего радуется тому, что в пришествии Сына Божьего на землю, в спасительном явлении Бога, ставшего человеком, чтобы воссоединить его, человека, с Его Божественным призванием, что в пришествии этом приняло участие и само человечество. Если самое радостное и глубокое в христианской вере — это «соприродность» Христа нам, то, что Он подлинно человек, а не призрак, не таинственное явление, что Он — один из нас, навеки с нами своим человечеством связанный, то тогда понятным становится и любовное почитание Той, которая Ему это человечество, нашу плоть и кровь, дала. Той, благодаря которой Он, Христос, мог называть себя так, как Он

всегда себя называл: «Сын Человеческий». Сын Божий, Сын Человеческий…

Бог, снисходящий до человека, чтобы человека сделать Божественным, или, как говорят учителя Церкви, — обожить, сделать причастником Божества. Именно тут, именно в этом потрясающем откровении о подлинной природе, о подлинном призвании человека — источник благодарного, любовного отношения к Марии как нашей связи со Христом, и в Нем — с Богом.

И нигде это не раскрывается с большей ясностью, чем в празднике Рождества Богородицы. Об этом событии ничего не сказано в Священном Писании. Да и что особенного можно сказать о рождении ребенка, рождении, подобном всякому рожденью. И если Церковь стала в особом празднике вспоминать и праздновать это событие, то не потому, что оно было чем-то исключительным, чудесным, из ряда вон выходящим, нет, а как раз потому, что сама обыденность его раскрывает новый и лучезарный смысл во всем том, что мы называем «обыденным», придает новую глубину тем подробностям человеческой жизни, о которых мы так часто говорим, что они «ничем не замечательны».

Но посмотрим на икону этого праздника, вглядимся в нее духовным нашим взором. Вот на постели — только что родившая дочь женщина. Церковное предание утверждает, что звали ее Анна. Рядом с нею — отец, имя которого, по тому же преданию, — Иоаким. Рядом с постелью женщины совершают первое омовение новорожденной. Самое обыденное, ничем не замечательное событие.

Но так ли это? Не хочет ли иконой этой сказать нам Церковь, прежде всего, что рожденье в мир, в жизнь нового человеческого существа — это чудо всех чудес, чудо именно разрывающее обыденность, ибо тут начало, у которого уже нет и не будет конца. Начало единственной, неповторимой человеческой жизни, возникновение новой личности, в появлении которой как бы заново творится мир, и вот — дарится, дается этому новому человеку как его жизнь, как его путь, как его творчество.

Итак, первое, что мы празднуем в этом празднике, это пришествие в мир самого Человека, пришествие, о котором в Евангелии сказано, что когда совершается оно, мы не «помним уже скорби из-за радости, что родился человек в мир».

Второе: мы знаем теперь, чье рожденье, чье пришествие мы празднуем. Мы знаем единственность, красоту, благодатность именно этого ребенка, его судьбы, его значения для нас и для всего мира.

И третье — мы празднуем и все то и всех тех, которые как бы подготовили Марию, наполнили Ее этой благодатью и красотой. Вот в наши дни много говорят о наследственности, придавая ей какой-то рабий, детерминистский смысл. Церковь тоже верит в наследственность, но духовную. Сколько веры, сколько добра, сколько поколений людей, живших высшим и небесным, нужно было, чтобы на древе человечества вырос этот изумительный и благоуханный цветок — пречистая Дева и всесвятая Мать! И потому это также и праздник самого человечества, веры в него, радости о нем.

Увы, нам виднее и понятнее наследственность зла. И действительно, сколько зла вокруг нас, что эта вера в человека, в его свободу, в возможность доброй и светлой наследственности уже почти выветрилась в нас и заменилась скептицизмом и недоверием. Однако именно этот злой скептицизм, это унылое недоверие призывает нас оттолкнуть от себя Церковь в день, когда празднует она — и с какой радостью и верой — рожденье маленькой девочки, в которой как бы сосредоточилось добро, нравственная красота,

совершенство, которые составляют подлинную человеческую природу. Ею, этой рождающейся девочкой, и в Ней встречает мир идущего к нему Христа. Он наш дар — Ему, наша встреча с Богом. И вот мы уже на пути к Вифлеемской пещере, к радостной тайне Богоматеринства.

*** * ***

Приснодевство, то есть вечное Девство Марии, прославляет Церковь, ежедневно повторяя молитву, к ней обращенную: «Богородице, Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою…».

Нужно ли доказывать, что эта вера в непорочное зачатие, в девство Марии составляет для очень многих людей своего рода «камень преткновения и соблазна», предмет недоумения и непонимания, предлог для обвинения христианства в суеверии и т. д. На недоумения эти верующие обычно отвечают: это чудо, в которое мы верим, в которое нужно верить» а понять его нельзя…

Ответ этот, для верующих самоочевидный, необходимо все-таки уточнить. С одной стороны, само собою разумеется, что если, как верят верующие, есть Бог — Творец мира и жизни и всех ее законов, то Бог всесилен законы эти нарушать, то есть совершать то, что на обычном человеческом языке называется чудом. Чудо — это нечто, выходящее за пределы ведомых нам законов природы, то, что, в противоположность «естественному», мы ощущаем как сверхъестественное. Если Бог — Бог, то Он, очевидно, бесконечно возвышается над «законами природы», всесилен, всемогущ и абсолютно свободен.

Все это так, и вера, отрицающая чудо, то есть подчиняющая Бога ограниченным законам природы, — уже, конечно, не вера.

Но это не значит, что нам — верующим христианам — запрещено спрашивать себя, спрашивать свою веру — о смысле чуда. Ибо в том-то и дело, что христианское понимание чуда, понимание, идущее от Евангелия, от Самого Христа, — понимание это особенное, требующее от нас углубленного духовного внимания. Прежде всего, образ Христа. Евангелие исключает понимание чуда как доказательства, как факта, принуждающего человека поверить.

Я говорю — образ Христа… Действительно, если что доминирует в этом единственном образе, то это отнюдь не желание «доказать» при помощи чуда свою Божественность, а напротив — предельное смирение. Апостол Павел пишет о Христе удивительные слова: «Он, будучи образом Божиим, … уничижил Себя Самого, приняв образ раба… смирил Себя, быв послушным даже до смерти, смерти крестной…».

Нигде, никогда, ни разу Христос не сказал, что Он родился чудесным образом — не употребил этого «доказательства». И когда Он висел на Кресте, всеми оставленный в страшной своей агонии, окружающие издевались над Ним требованием именно чуда: «сойди с креста, и мы поверим в Тебя». Но Он не сошел со креста, и они не поверили в Него. Те же, кто поверил, — поверили именно потому, что Он не сошел со креста, ибо ощутили всю Божественность, всю бесконечную высоту именно смирению, именно всепрощения, воссиявшего со Креста: «Отче, прости им, ибо не ведают, что творят…».

Я повторяю, нет в Евангелии, нет в подлинной христианской вере отношения к чуду как к доказательству. И нет потому, что такое доказательство — при помощи чуда — лишает человека того, что христианство считает в нем самым драгоценным, лишает его свободы.

Христос хочет, чтобы люди поверили в него свободно, а не принуждаемые к вере «чудом». «Если любите меня, — говорит Он, — заповеди Мои соблюдите…». И любим мы Христа — в ту, увы, слишком слабую меру, в какую любим, — ни за что, не за всесилие, нет, а за Его любовь, смирение, за то, говоря словами слушавших Его, что «никогда не говорил человек так, как этот Человек».

Но Христос творил чудеса: Евангелие наполнено рассказами об исцелении Им болящих, оживлении умерших и т. д. И потому уместно спросить: в чем же тогда их смысл, этих чудес, которые Христос все же являл миру? Если Христос, по словам евангелиста, не совершал чудес там, где не верили в Него, если Он обличал людей за то, что они ждут и хотят от Него чуда, то почему же Он творил их? Только ответив на этот вопрос, сможем мы, может быть, понять и чудо всех чудес — присно девство Марии, Матери Его, и недрогнувшую веру Церкви в это чудо.

Прежде всего, все чудеса, о которых мы знаем из Евангелия, совершены были Христом по любви. «Он сжалился над ними…», — говорит евангелист. Сжалился над родителями умершей девочки, над вдовой, потерявшей единственного сына, над празднующими и радующимися, у которых не хватило вина, над слепыми, хромыми, страдающими. И это значит, что источником чудо была и остается любовь. Не для себя, не для того, чтобы прославить себя, явить себя, свою Божественность, доказать ее людям, творит чудо Христос, а только потому, что любит и, любя, не может вынести страдания безнадежно плененного злом человека.

Объяснение это, однако, как будто, не относится к тому чуду, о котором идет речь: к рождению Христа от Девы, к Ее приснодевству… Это действительно единственное по существу своему чудо, если так можно выразиться, тайное, только вере открытое и только верою удостоверяемое, источник свой имеет в нашей вере в то, что Христос есть Бог, ставший человеком, принявший на себя наше человечество, чтобы его спасти. Спасти от чего? Да как раз от полного, безысходного порабощения природе и ее неумолимым законам, что делает нас только частью природы, только материей, только «плотью и кровью». Но человек — не только от природы. Он, прежде всего, от Бога, от свободной Божьей любви, от Духа.

И вот только это утверждает наша вера: Христос от Бога, Божий, Его Отец — сам Бог. С Него, с Его рождения, с Его пришествия в мир начинается новое человечество, которое не от плоти и не от похоти, которой мы подчинили себя, а от Бога. Сам Бог обручается с человечеством в лице лучшего плода Его: пречистой Девы Марии, а через Нее, через Ее веру и послушание дает нам Сына Своего единородного. В мир входит, с нами соединяется Новый Адам, и восстанавливает того — первого, — который был создан не «природой», а Богом. Вот что — с трепетом и радостью — узнаем мы, если верим во Христа, вот почему, принимая Его как Бога и Спасителя, мы узнаем в Матери Его лучезарное приснодевство, и через него — победу в мире Духа и Любви над материей и ее законами.